

МАІОРЪ,

ПОЭМА

ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА ФЕДОТОВА.

1846.

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ.

1815—1852.

Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ родился въ 1815 г., въ Москвѣ, и первоначальное образованіе получилъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1826 году. Въ 1833 г. онъ вышелъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, первымъ ученикомъ, въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ прапорщикомъ. Могучая фантазія будущаго художника обнаруживалась еще въ корпусѣ. Онъ поражалъ своихъ товарищей необыкновенною памятью: ему стоило, напримѣръ, закрыть глаза, чтобъ вспомнить изложеніе учителя слово въ слово; воображеніе его также было чрезвычайно сильно: исторія являлась ему рядомъ драматическихъ сценъ въ костюмахъ и съ приличной обстановкою; глядя на карту Африки, онъ видѣлъ не одно только очертаніе береговъ, но ея роскошную растительность, ея бесплодную Сахару со львами, змѣями, страусами и антилопами... Болѣе всего любилъ онъ рисованіе и музыку. Портреты товарищей и учителей, сдѣланные имъ въ корпусѣ, отличались замѣчательнымъ сходствомъ.

Поступивъ въ полкъ, Ѳедотовъ продолжалъ заниматься живописью. Сперва-было вздумалъ онъ посвятить себя военнымъ сценамъ, но скоро убѣдился, что это не его родъ. Гораздо болѣе удавались ему портреты, въ особенности великаго князя Михаила Павловича; онъ дѣлалъ ихъ акварелью на веленовой бумагѣ и отдавалъ для продажи въ магазинъ Даціаро.

Изъ числа его картинъ, изображающихъ военныя сцены, замѣчательны: „Французскіе мародеры въ русской деревнѣ“, „Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку на маневрахъ“, „Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полкового праздника“ и „Казарменная жизнь“.

Извѣстность Ѳедотова началась по слѣдующему случаю. Однажды великій князь Михайлъ Павловичъ, только-что возвратившись изъ-за границы, обходилъ лагерь. Солдаты толпились, лѣзли другъ другу на плечи, на пирамиды, чтобъ посмотреть на любимаго начальника, по-

слѣ его выздоровленія. Эти разнохарактерныя лица, этотъ живописный безпорядокъ представляли прекрасный сюжетъ для картины — и Оедотовъ воспользовался имъ. Картина вскорѣ была готова и поднесена его высочеству, который принялъ ее и пожаловалъ живописцу брилліантовый перстень.

Ободренный такимъ успѣхомъ, Оедотовъ затѣялъ изобразить „Освященіе знаменъ въ обновленномъ дворцѣ“, но картина не была еще окончена, какъ наступилъ смотръ, назначенный великимъ княземъ. Оедотовъ на смотре попалъ въ числѣ избранныхъ, которымъ его высочество сказалъ, что его „дверь никогда не будетъ заперта ни для кого изъ нихъ“. На другое утро молодой художникъ былъ уже у генералъ-адъютанта Веймарна съ начатою картиною. Вскорѣ послѣдовалъ докладъ императору, и его величество разрѣшилъ „рисующему офицеру“ выйти въ отставку, когда пожелаетъ и посвятить себя живописи, съ содержаніемъ по 100 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ.

Но Оедотовъ не тотчасъ воспользовался даннымъ ему позволеніемъ выйти въ отставку; онъ хотѣлъ прежде испытать себя и оставилъ службу только въ январѣ 1844 года съ чиномъ капитана.

Съ этого времени Павелъ Андреевичъ исключительно предается живописи и работаетъ неутомимо. Образъ жизни его отличается замѣчательною простотою и регулярностью. Обыкновенно онъ вставалъ рано, и послѣ короткой прогулки, принимался за работу и не оставлялъ ее до 3 часовъ пополудни. Только послѣ этого времени принималъ онъ охотно посѣтителей. Въ бесѣдахъ бывалъ обыкновенно веселъ и любилъ рассказывать анекдоты, рассказывалъ же мастерски. Вечеръ посвященъ былъ тоже большею частью работѣ, при чемъ обыкновенно Павелъ Андреевичъ дѣлалъ наброски карандашемъ; иногда же бесѣдовалъ и изрѣдка ходилъ въ театръ, преимущественно въ раекъ. Читалъ онъ мало, за политикою не слѣдилъ и о критическихъ теоріяхъ имѣлъ весьма смутныя понятія. Особенно любилъ онъ Фонъ-Визина и Крылова, но къ Пушкину и Гоголю былъ холоденъ, а Лермонтова ставилъ выше перваго изъ нихъ. Изъ иностранныхъ писателей любимцами его были Бальзакъ, Вашингтонъ Ирвингъ и Байронъ.

Въ частныхъ отношеніяхъ своихъ Оедотовъ былъ весьма услужливъ и добродушенъ, и безъ памяти любилъ дѣтей. Въ немъ не было и тѣни зависти, столь свойственной многимъ художникамъ относительно ихъ собратій, и онъ всегда старался указать хорошія стороны всякаго произведенія. Но насколько снисходителенъ бывалъ онъ къ другимъ, настолько же строгъ къ себѣ. Онъ до тѣхъ поръ передѣлывалъ свои картины, пока не оставался ими доволенъ. Однажды ему замѣтили, глядя на одно изъ лучшихъ его произведеній: „Какъ это

просто!“— „Да, будетъ просто, какъ сдѣлаешь разъ со сто“, отвѣчалъ художникъ.

Приступивъ къ выполнению какой-нибудь картины, онъ до тѣхъ поръ не считалъ ее законченной, пока она ни выражала даже въ малѣйшихъ подробностяхъ воплощенную въ нее идею. Такъ, для изображенія комнаты въ картинѣ „Сватовство майора“, онъ бѣгалъ нѣсколько дней по знакомымъ и незнакомымъ, пока наконецъ не отыскалъ случайно въ одномъ трактирѣ подходящей обстановки. Та же исторія повторилась при рисованіи отца невѣсты, купца Кулькова.

Не мудрено, что при такой добросовѣстности въ работѣ слава Федотова быстро росла. Когда была открыта выставка въ 1848 году, публика толпами тѣснилась у картинъ, выставленныхъ имъ; въ особенности привлекала къ себѣ „Сватовство майора“. Эта картина доставила Федотову званіе академика, а въ 1850 году ему назначено было выдавать изъ суммъ академіи по 300 руб. ежегодно.

Разумѣется, такое ничтожное пособіе не могло обезпечить художника, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ почти никакого состоянія и долженъ былъ помогать восьмидесятилѣтнему отцу и сестрамъ. Несмотря на то, онъ остался непоколебимо преданъ искусству и устоялъ отъ соблазна, жениться на одной богатой и красивой дѣвушкѣ, поклонницѣ его таланта, которая дала ему замѣтить, что для него она отказала бы всѣмъ женихамъ...

„Жизни не хватаетъ любить двоихъ“, говаривалъ обыкновенно Федотовъ, когда рѣчь заходила объ этомъ эпизодѣ изъ его жизни. Онъ понималъ, что искусство требуетъ такого же исключительнаго поклоненія, какъ и любовь; но въ то же время вполне цѣнилъ благородный поступокъ дѣвушки, и съ измѣненіемъ обстоятельствъ надѣялся принести ей достойную жертву, а между тѣмъ продолжалъ усиленно работать, такъ что въ половинѣ мая 1852 года мастерская его была завалена начатыми картинами. Такія усиленные занятія не могли остаться безъ вредныхъ послѣдствій; тѣмъ болѣе, что къ этому присоединились болѣзнь глазъ и нервное расстройство, которое вскорѣ еще болѣе усилилось при полученіи извѣстія, что проданъ домикъ, въ которомъ онъ родился и что, такимъ образомъ, родные его остались почти безъ всякихъ средствъ къ существованію...

Результаты такого стеченія грустныхъ обстоятельствъ не замедлили обнаружиться: лѣтомъ 1852 года Федотовъ сошелъ съ ума. Пять мѣсяцевъ томился онъ въ страшныхъ страданіяхъ, хотя и узнавалъ друзей, и скончался 14 ноября 1852 года отъ водяной.

Тѣло его погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Асенковой. Наружность Павла Андреевича вполне выражала его

качества: энергическое лицо, маленькая, но превосходно сформированная голова, спокойный, проницательный взглядъ, добродушная, но не лишенная юмора улыбка — все показывало въ немъ труженика и тонкаго наблюдателя.

Такъ преждевременно скончался одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ художниковъ, произведенія котораго, по мнѣнію знатоковъ, напоминаютъ, какъ по замыслу, такъ и по исполненію, Гогарта. Весьма вѣроятно, что талантъ его развился бы еще болѣе, а можетъ быть онъ сравнялся бы съ этимъ художникомъ, если-бъ прожилъ подолѣе, потому что не увлекался похвалами и продолжалъ учиться.

Оконченныхъ картинъ Ѳедотова весьма мало: „Сватовство майора“, „Опасное положеніе бѣдной, но красивой дѣвушки“, „Утро послѣ пирушки“, „Разборчивая невѣста“ и „Вдовушка“. Изъ эскизовъ, оставшихся послѣ Ѳедотова, особенно замѣчательны: „Старость художника“, „Смерть Фидельки“, „Послѣдствія смерти Фидельки“, „Первое утро обманутаго молодого“, „Житье на чужой счетъ“, „Крестины“ и „Магазинъ“. Всѣ эти произведенія отличаются неподдѣльнымъ комизмомъ.

Но не въ одной живописи выражался юморъ Ѳедотова, а также и въ поэзіи. Изъ помѣщенныхъ нынѣ въ „Русской Старинѣ“ стихотвореній Ѳедотова читатели могутъ судить о степени его таланта. Самъ художникъ, какъ видно изъ его признанія, не придавалъ большого значенія своимъ поэтическимъ опытамъ, такъ что оставлялъ многіе стихи неотдѣланными. Огромному успѣху „Майора“ способствовала тогдашняя нецензурность его и вѣрное изображеніе извѣстной части общества, которая средствъ къ жизни искала не въ трудѣ, но въ казнокрадствѣ, взяточничествѣ и богатой женитьбѣ, а средствъ къ возвышенію—въ обѣдахъ и родствѣ. Честная натура Ѳедотова была глубоко возмущена такими явленіями и энергически заклеяла въ безыскусственно-мѣткихъ стихахъ. О напечатаніи ихъ тогда нечего было и думать, поэтому понятно, почему Павелъ Андреевичъ, постоянно занятый живописью, не хотѣлъ отдѣлывать стиховъ и ограничивался чтеніемъ ихъ въ рукописи друзьямъ. Тѣ списывали и давали списывать другимъ; потребность въ сатирѣ была сильна, обличительная литература, въ особенности рукописная, господствовала въ обществѣ тайно, благодаря самому наглому цензурному произволу, и стихи Ѳедотова заняли въ ней видное мѣсто. Долго скрывались они подъ спудомъ, и сколько намъ извѣстно, въ первый разъ появились въ печати только въ 1862 году въ „Русскомъ Словѣ“, гдѣ помѣщены однако только въ небольшихъ отрывкахъ.

Будемъ надѣяться, что читатели „Русской Старинѣ“, имѣющіе

въ рукописи сочиненія Өедотова, не откажутся подѣлиться ими, при посредствѣ нашего изданія, съ обществомъ.....

Въ настоящей книгѣ мы помѣщаемъ лучшее и вполне законченное произведеніе Өедотова. Это его „Майоръ“, шутка-поэма—извѣстная всей грамотной Россіи въ многочисленныхъ спискахъ, многіе годы расходившихся по рукамъ. „Предисловіе къ читателямъ“—написано авторомъ вообще по поводу его стихотвореній, но оно всего болѣе соотвѣтствуетъ его поэмѣ, а потому и предпослано нами „Разсужденіямъ майора“. Эпилогъ поэмы составляетъ объясненіе къ картинѣ „Сватовство майора“, искусная поддѣлка автора подъ народный языкъ балаганныхъ раешниковъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поблагодарить Василя Петровича Попова, взяшаго на себя трудъ возстановить болѣе правильный текстъ „Майора“ по нѣсколькимъ имѣющимся у насъ спискамъ; лучший изъ нихъ сообщенъ С. И. Турбинимъ, который снялъ его съ подлинника, принадлежащаго другу и товарищу Өедотова—П. С. Лебедеву. Приведенная выше біографическая замѣтка принадлежитъ В. П. Попову *).

Ред.

*) Свѣдѣнія о Өедотовѣ можно найти: 1) въ статьѣ покойнаго его товарища по полку А. В. Дружинина: «Воспоминанія о русскомъ художникѣ П. А. Өедотовѣ» («Современникъ» 1853 г., книга II); 2) въ «Москвитяинѣ» 1853 г., кн. V и 1854 г., кн. V; 3) въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1859 г., кн. I, ст. Можайскаго: «Воспоминанія о Өедотовѣ»; 4) статья А. Г. Витковскаго въ «Русскомъ Словѣ» 1862 г., книга IV). Въ «Художественномъ Листѣ» Тимма (1853 г., № 19) помѣщенъ хорошій портретъ Өедотова, съ замѣткой о немъ, извлеченной изъ статьи Дружинина. Другой портретъ находится въ «Портретной галлерей русскихъ дѣятелей» г. Мюнстера—біографическая замѣтка въ этой галлерей о Өедотовѣ составлена М. Д. Хмыровымъ (т. II, Спб., 1869 г., стр. 22). Кромѣ того, портреты Өедотова были еще: въ «Сынѣ Отец.» 1864 г., также при «Очеркахъ» его (въ 6. листѣ); при «Пантеонѣ» 1854 г., кн. I, рис. на камнѣ П. Ивановъ. Въ «Пантеонѣ» же помѣщена статья о Өедотовѣ—В. В. Толбина; въ «Иллюстрированной газетѣ» 1871 г., № 1, помѣщенъ видъ памятника на могилѣ Өедотова и картина «Посѣщеніе его въ лечебницѣ на Пескахъ», съ статьею объ этомъ г. Маркова.

П. Е.

I.

Предисловіе къ читателямъ *).

Кътобъ ни былъ, добрый мой читатель,
 Вѣдь я не цеховой писатель,
 И въ полномъ правѣ васъ просить
 Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть.
 Я свой давно съ перомъ, что въ шляпѣ **),
 А что писатель держать въ лапѣ,
 Съ такимъ почтеннѣйшимъ перомъ
 Я только шапочно знакомъ.
 Пишу, но блажь воображенья,
 Я пышнымъ словомъ сочиненья
 Не думалъ вовсе величать,
 А ужъ не то, чтобъ лѣзть въ печать.
 Не то, чтобъ вкусы нынѣче строги,
 Нѣтъ, просто мнѣ не по дорогѣ.
 Меня отецъ, судьба да мать
 Назначили маршировать

.
 Вотъ поводъ, кажется, резонный
 Мнѣ такъ въ поэзіи отстать.
 Не правда-ль? не угодно-ль встать
 Во фронтъ поэту записному,
 Да не угодно-ль помечтать,
 Или начальнику иному
 Рапортъ стишками написать.
 Хоть будь вполнѣ литературно,
 Да не по формѣ—скажутъ: дурно!
 Начальникъ распечетъ—и правъ:
 Чтѣ сочинять гдѣ есть уставъ,
 Такой подробнѣйшій, полнѣйшій,
 Гдѣ каждый взглядъ и шагъ малѣйшій
 Все, все обдуманно давно.
 Тутъ съ васъ потребуютъ одно:
 Слѣпое только исполненье
 И распекутъ за сочиненье!
 Иль пусть какой-нибудь поэтъ,
 Какого въ свѣтѣ выше нѣтъ,
 Слетаетъ къ бѣсу на расправу,
 То-есть на сутки на заставу!
 Займись тамъ выпрежней мечтой,
 Да подорожной хоть одной
 Не просмотри, пренебреги,

*) Это «Предисловіе» впервые напечатано въ «Русскомъ Словѣ» 1862 г.

Ред.

**) Въ сороковыхъ годахъ офицеры носили трехугольныя шляпы съ перомъ.

Ред.

Да на звонокъ не побѣги—
 Такого зададутъ трезвону, —
 Забудешь всѣхъ: и Аполлона,
 И девять музъ, и весь Парнассъ..
 Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!

.....
 Поэту надобенъ покой,
 А ужъ у насъ покой плохой!
 Для стихотворнаго народа
 Во всѣхъ видахъ мила природа,
 Ему мила и непогода:
 Онъ все поетъ—и дождь, и громъ,
 И снѣгъ, и бури, и мятели,
 Въ тулупцѣ лежа на постели,
 И можетъ чарочка при немъ!
 Легко такъ пѣть. Нѣтъ, въ нашей шкурѣ
 Попробуй гимны пѣть натурѣ
 Воспой-ка ручейки тогда,
 Какъ въ сапогахъ бурчить вода;
 Запой про дождь въ одномъ мундирѣ,
 Когда при строгомъ командирѣ,
 Деньщикъ твой, прогнанный въ обозъ,
 Твою шинель упряталъ въ возъ
 Иль въ сюртукъ въ одномъ въ морозъ
 Постой, начальство ожидал;
 Тогда какъ пальцы замрала
 Не въ силахъ сабли ужъ держать—
 Изволь-ка въ руки лиру взять,
 Да грянь торжественную оду
 На полуночную природу!
 Нѣтъ, милый, рта не разведешь
 И волчью пѣсню запоешь!
 Поэтамъ даже сводъ небесный
 Такой покосъ даетъ чудесный,
 А намъ красавица луна
 Напомнитъ только ночь безъ сна
 На аванпостахъ; ясный Фебъ—
 Луна и Фебъ—поэтамъ хлѣбъ,—
 А намъ отъ Феба—пыль да жарко,
 Намъ Фебъ злодѣй, коль свѣтитъ ярко,
 Онъ намъ не недругъ лишь, когда
 Вблизи холодная вода!
 А эти звѣзды, что высоко,
 Что поэтическое око
 Такъ брилліантами дарятъ,
 Намъ дальностью своей твердятъ,
 Что и до звѣздъ земныхъ далеко.
 Попробуй этихъ налови!
 Природа въ пышущей крови

Вдѣмаетъ сладкое броженіе
 И щекотитъ воображеніе;
 А намъ—нашъ братъ ослѣпъ, оглохъ,
 Намъ это все къ стѣнѣ горохъ!
 Блаженство наше чарка въ холодъ
 Да ковшъ воды въ жару; — да въ голодъ,
 Горячихъ миска шей,— да сонъ,
 Да карточки,— а Аполлонъ
 И съ музами сироважепъ вонъ.
 Потомъ еще всегда поэты
 На дѣлный свѣтъ свои секреты
 Твердятъ про сердце, про любовь—
 Поэты ею всѣ согрѣты,
 А можетъ сыты и одѣты,
 А намъ любовь мутитъ лишь кровь,
 Да только кровь, а сердце—дудка!
 Насъ не поддѣтъ на позабудки,
 На нѣжности: нашъ идеаль —
 Намъ подавай-ка капиталъ.
 Затѣмъ подчасъ и мы же знаемъ,
 Не лично мы всегда прельщаемъ:
 Прельщаетъ чаще нашъ мундиръ,
 Россійскихъ барышеньъ кумиръ!
 Смѣшно-жъ намъ безкорыстныхъ строить:
 Одно должно другого стоять!
 О совѣсти ни слова тутъ,
 Но если ужъ мундиръ берутъ
 Въ замѣнъ святой любви личной,
 Такъ ужъ умнѣ взять наличный
 За это капиталъ. У насъ
 Примѣровъ всякихъ есть запасъ:
 Есть, точно, по любви женаты,
 Да что-жъ они, бывше хваты,
 Теперь? кислитина! Ухваты,
 Горшки, пеленки на умѣ;
 Вѣкъ съ плачемъ о пустой сумѣ,
 Они, завидуя ворами,
 Скорѣ къ выгоднымъ мѣстамъ
 Бѣгутъ отъ горя отмываться,
 Казной за голодъ отгѣдаться;
 Межъ тѣмъ иной, какъ холостъ былъ,
 Глядишь, честиѣншимъ малымъ слыгъ!...
 Выходитъ, что жена да дѣти
 Лишь только дьявольскія сѣти
 Безъ золота!... Такъ вотъ любовь!
 Ей тоже денегъ подготовъ,
 Не то—готовъ и скорбъ и слезы!
 Гдѣ-жъ тутъ поэзія, гдѣ розы?
 Тѣ розы вѣчныя, о коихъ такъ твердятъ?

Любовь безъ денегъ, просто ядъ,
И ядъ тѣмъ болѣе опасный,
Что онъ на вкусъ такой прекрасный!—
Лизнешь— не хочется отстать!

.*)

Ну, вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
Питался отъ начала свѣта.
Еще пересчитаемъ вновь:
Природа, слава и любовь.
Иное, точно, кровь мутило,
Но не до рифмъ тогда намъ было:
Мутило съ желчью пополамъ!
Иное-жъ вовсе чуждо намъ.
Итакъ, окольною дорогою,
Терновникомъ, читатель строгій,
Я пробирался на Парнасъ
Съ дырявой обувью подѣ часъ,
Такъ мудрено-ль, что я хромаю!
Свои ошибки самъ я знаю,
Какъ знаетъ пьяница свой грѣхъ,
Но этотъ грѣхъ родникъ утѣхъ—
Такъ диво-ль, что ему нейдется
И онъ, закаявшись, напьется.

Такъ вотъ, читатель мой, и я—
Мои стихи сперва друзья
Прочли, ужасно расхвалили
И самолюбію польстили.
А самолюбіе— тотъ-же хмѣль:
Щекочетъ сладко гордость. Мнѣ-ль,
Мнѣ-ль устоять отъ искушенья!
Мнѣ надоѣли ужъ лишенья
Отъ всѣхъ утѣхъ; во всю мнѣ жизнь
Карманъ кричалъ: правѣй держись!
А тутъ предстало даровое,
И тѣмъ оно милѣ вдвое —
И я давай писать, писать,
Давай вездѣ читать, читать
Вездѣ, и кстати-ль, и не кстати-ль.
Глядь—хвалятъ всѣ; подчасъ писатель
Въ кругу съ другими тутъ сидитъ,
Прищурясь на меня глядитъ,
Ноздря его презрѣньемъ пышетъ
И мыслить онъ: туда-же, пишеть!
Ревнивъ чернильный этотъ родъ!
Быть можетъ, самъ давно банкротъ

*) Здѣсь пропускъ въ нѣсколько строкъ, въ нихъ поэтъ говорить о славѣ.

Исчерпалъ весь ярлыкъ флаконный
 И нѣтъ ужъ влаги благовонной;
 Давно, давно ужъ пусть флаконъ
 А носъ все также держитъ онъ.
 Но мнѣ не страшны эти взгляды,
 Меня иные слушать рады.
 Писатель дуется, да пусть,
 За то иные навзустъ
 Давно мои ужъ знаютъ строки;
 За мысль прощаютъ ихъ пороки.
 Пусть онъ съ причесаной строкой
 Добьется почести такой,
 Какъ я! Хотъ я пишу не звучно,
 А сколько разъ собственноручно
 Мою смиренную тетрадь
 Почтили для себя списать
 Иныя, да какія дѣвы!
 Соперники, ступайте, гдѣ вы?
 Ступайте, всѣхъ васъ освищу!
 Всемирной славы не ищю:
 Мой кругъ—крыловскій муравейникъ,
 Лишь въ немъ хочу я быть затѣйникъ.
 На дѣлый свѣтъ не угодишь,
 Читатель мой, когда сравнишь
 Мои стихи съ плохими даже,
 Да только съ тѣми, что въ продажѣ—
 Найдешь въ моихъ большой порокъ,
 Но ты за тѣ ужъ внесъ оброкъ.
 Писатель нектаръ пьетъ, хотъ Геба
 Давно сидитъ сама безъ хлѣба
 И ужъ въ отставкѣ Ганимедъ
 Безъ пенсіона столько лѣтъ,
 А нектаръ все-же пьетъ писатель.
 Гдѣ-жъ онъ беретъ его, читатель?
 О добродушный! Гдѣ беретъ?
 Карманъ твой — Гебой сталъ впередъ
 И Ганимедомъ; стихъ же гладкій
 И не замѣтишь какъ украдкой,
 Туда за нектаромъ скользнулъ,
 И вонъ съ поживой улизнулъ.
 Такъ въ правѣ отъ стиховъ печатныхъ
 Ты строкъ потребовать опрятныхъ,
 А я—меня ты не купишь—
 Я въ цехъ печатныхъ не вступилъ.
 Читатель, вспомни, Бога ради,
 Мои стихи еще въ тетради,
 Еще не сжались подъ станокъ —
 Къ печатнымъ самъ я очень строгъ.
 Въ печать не лѣзу—знакъ смиренья—
 А это стоитъ снисхожденья!

II.

Размышленія майора или поправленіе обстоятельствъ*).

Вотъ майоромъ десять лѣтъ,
 А надежды нѣтъ, какъ нѣтъ
 Въ подполковники подняться:
 Всѣ смотры мнѣ не клеятся,
 Все робѣю на смотрахъ—
 Слово «смотръ» наводитъ страхъ—
 Просто хуже всякой бабы....
 Нервы, что ли, очень слабы.—
 Ужъ не знаю, а всегда
 На смотру, глядишь, бѣда!..
 Позапрошлый годъ стояли
 Мы въ каре и все стрѣляли—
 Вдругъ командуютъ: «впередь!»
 Съ фланга мнѣ пришелъ чередъ—
 Ужъ недаромъ ненавижу
 Я каре. Засуетяся
 Позабылъ назначить фась,
 Гаркнулъ: «марш!» и что же вижу:
 Фасы, кто куда лицомъ,
 Какъ стояли, врозь крестомъ
 Дуютъ; только я шестомъ,
 Одурѣвъ, торчу въ среднѣ,
 Музыканты тоже врозь
 Кто куда, бѣда, хотъ брось!
 Не забуду и понинѣ
 И объ этомъ тяжкомъ днѣ,
 Какъ тогда досталось мнѣ!

Прошлый годъ мнѣ въ построеньяхъ
 Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ:
 Я ошибся только разъ,
 Да и то дымъ пушекъ спасъ.
 Ну, я думалъ, въ добрый часъ,
 Чтобъ не сглазить! А предъ старшимъ
 Церемоніальнымъ маршемъ
 Намъ пройти ужъ ни по чемъ.
 Незамѣченный ни въ чемъ,
 Вѣрно, буду я представленъ:
 Подполковника схвачу,
 Такъ и дальше полечу.

*) Изъ этой шутки-поэмы приведены небольшіе отрывки въ «Пантеонѣ» 1854 г., № 1 и въ «Русскомъ Словѣ» 1862 г. Мы ее печатаемъ безъ малѣйшихъ пропусковъ по нѣсколькимъ, имѣющимся у насъ спискамъ, позднѣйшей, окончательно отдѣланной редакціи П. А. Федотова.

И въ мечтахъ лечу, лечу!
 Вижу: армія большая,
 Всѣ колоннами идутъ
 И, знамена преклоняя,
 Всѣ мнѣ почести воздаютъ;
 Барабаны громко бьютъ,
 Громко музыка играетъ—
 И народъ кругомъ зѣваетъ—
 Дамы такъ ко мнѣ, а я
 Такъ лорнирую свободно....
 Но постой, мечта моя,
 На яву идутъ повзводно.
 Все идутъ, идутъ, идутъ,
 Мѣрнымъ тактомъ землю бьютъ:
 Поле гладкое трясется,
 Гулъ далеко раздается,
 Эхо ближнихъ рощъ и горъ
 Дразнить музыкантскій хоръ;
 И отъ взводовъ крикъ несется:
 «Радъ стараться, ваше—ство!»
 И на лицахъ торжество.
 Взводъ щетинистой грядю
 Взводъ смѣняетъ чередою—
 Все впередъ, впередъ, впередъ....
 Вотъ подходит мой чередъ:
 Радъ и страшно: сердце бьется.
 Вдругъ по полю раздается
 Командирскій голосъ: «стой!»
 Барабановъ смолкнулъ бой,
 Стихло все, остановилось —
 Все какъ въ землю пригвоздилось,
 И лишь только, тамъ и сямъ,
 Офицеры по рядамъ
 Потихоньку пробѣгаютъ
 И солдатиковъ равняютъ.
 Всѣ чего-то ожидаютъ,
 Всѣ боятся.... Но зачѣмъ,
 Для чего боятся всѣмъ?
 Есть одинъ, за всѣхъ несчастный:
 Это — я! о, рокъ ужасный!
 Такъ и есть: въ мой пятый взводъ
 Прямо корпусный идетъ —
 Вотъ всевидящее око!
 Онъ замѣтилъ издалика
 У каналы у одной
 Въ пятомъ взводѣ подъ сумой
 Съ табакомъ висеть проклятый.
 Погубилъ меня взводъ пятый!
 Ждалъ схватить иль чинъ, иль крестъ.
 А попался подъ арестъ!

Пуще-жъ всѣхъ годовъ мнѣ это
 Было вынѣшнее лѣто:
 Только третій боевой
 Какъ пойдетъ, хоть волкомъ вой.
 Зналъ претвердо на учены—
 Такъ не то: найдеть затмѣнье,
 А жолнера, поутру,
 Какъ просилъ я на смотру
 Подсказать мнѣ! но лукавый
 Все о Леленькѣ кудрявой,
 Видно, о своей мечталъ,
 Въ головѣ вертѣлся балъ...
 Молодость! А мнѣ отъ бала
 На несчастье такъ попало—
 Хоть въ отставку подавай!

Охъ, отставка! То-то рай!
 Нивакихъ смотровъ не знай;
 Самъ себя лишь только знаешь.
 За себя лишь отвѣчаешь!..
 Какъ другимъ везетъ—а я —
 Знать, такая колея!
 Больше-ль знаетъ Пятогрѣвъ,
 Иль умнѣй меня Михѣвъ?
 Ха, ха, ха!... Или Рубцовъ
 Ужъ глупѣйшій изъ глупцовъ?
 А Зубаловъ съ красной рожей
 На говядину похожей?
 А Брушнапсъ? А Муано?
 Всѣ полковники давно!
 Какъ царьки, чай, поживаютъ,
 Да карманы набиваютъ
 Отъ полковъ! Одинъ лишь я —
 Просто дрянъ судьба моя!
 Всюду запятая, точки —
 Знать, родился не въ сорочкѣ.
 Нѣтъ, довольно! Рѣшено!
 Выйду! Ужъ пора давно
 На покой! Ей-ей обидно!
 Передъ фронтомъ стыдно вратъ
 А уставъ мудренъ! Мнѣ видно
 Нечего ужъ больше ждаты:
 Генераломъ не бывать!
 Да и что, ну, генераль?
 Экій важный капиталъ!
 Что отъ этого прибудеть?
 И тогда начальство будетъ
 Точно также замѣчать.

Вѣдь ужъ съ чиномъ не умнѣе
 Станешь: будешь также врать —
 А тогда еще стыднѣе!
 Хоть дохода и прибудеть,
 Такъ расходъ втрое будетъ:
 Надо ужъ себя держать
 На вельможескую статью:
 Домъ и поварь, и нельзя же
 Обойтись безъ экипажа —
 Голь, какъ нынче, будетъ та же!

Вышелъ-бы, да вотъ бѣда,
 Чѣмъ прокормишься тогда?
 Пенсіонъ!.. Велико дѣло!
 А ужъ крѣпко надоѣло.
 Развѣ, къ штатскимъ перейти,
 Отъ смотровъ совсѣмъ уйти?
 Но и тамъ бѣда по сюдо:
 Въ штатской я надворнымъ буду —
 А надворный тамъ великъ:
 Тамъ надворный, безъ сомнѣнья,
 Ужъ начальникъ отдѣленья —
 Я-жъ къ бумагамъ не привыкъ.
 Что-жъ я буду за начальникъ?
 Мнѣ любой столоначальникъ
 Завернетъ вездѣ кавыкъ:
 Тамъ гдѣ взять—себѣ оставитъ,
 Мнѣ-жъ бумажку онъ представитъ.
 Ту, съ которою бѣда —
 И распутывай тогда!
 А какъ дѣль-то самъ не знаешь,
 Да въ законахъ не смѣкаешь,
 Не поможетъ важный чинъ
 И распутывай одинъ.
 По неволѣ каждой мошкѣ
 Поклонись три раза въ ножки,
 А не то—тебя подъ судъ
 Эти мошки унекутъ.
 Въ штатской важны чинъ и званье,
 Но важнѣй — законовъ знанье.

Впрочемъ есть еще мѣста,
 На которыхъ и спроста,
 Безъ особенной науки,
 Можно грѣть порядкомъ руки...
 Не объ жалованьи рѣчь,
 Совѣсть можно поберечь.
 Вѣдь такіе нынче годы,
 Говорятъ всѣ про доходы:

Напримѣръ, комисарьятъ,
 Или провіантскій штатъ,
 Есть полиція, таможня—
 Вотъ ужъ тамъ такъ очень можно, —
 Только съ прочими дѣлись;
 А иначе—берегись!
 Чортъ возьми! Да я-бъ дѣлился,
 Да за то и самъ нажилъ.
 Этакъ-бы сначала домъ
 Въ пять этажей, да притомъ,
 Чтобы въ немъ всего биткомъ;
 Послѣ сбилъ бы помаленьку
 Въ хлѣбномъ мѣстѣ деревеньку;
 А хозяйствомъ править лѣнь —
 Класть въ ломбардъ на черный день.
 Чистаганъ когда бы нажилъ,
 Я-бъ раскланялся и зажилъ,
 Какъ второй Сарданапаль.
 И тогда, лишь сдѣлай балъ,
 Глядь, въ числѣ гостей попалъ,
 Съ увѣреніями въ дружбѣ,
 Тотъ, кто встарину по службѣ
 Со свѣту тебя сживалъ.
 Принимая всѣхъ радушно,
 Я бъ забылъ великодушно
 Прошлое врагамъ моимъ:
 Я бы даже, на смѣхъ, имъ
 Задавалъ обѣды часто.
 Ваше-ство — тогда ужъ баста;
 Климъ Матвѣичъ, Петръ Ильичъ!
 По имянно просто кличь!...
 Вотъ въ такому бы мѣстечку
 Приютиться человѣчку —
 Славно-бъ! Кто-жъ добру не радъ!
 Только, вотъ что говорятъ,
 Что туда безъ денегъ врядъ
 Попадешь: подсунуть надо,
 Да вѣдь какъ! Исчадья ада
 Ужъ нельзя сказать берутъ —
 Чисто на чисто дерутъ!
 Единичными рублями
 Тамъ съ простыми писарями
 Не поладишь: имъ на чай
 Ты полсотенки давай —
 Вотъ тогда онъ правду скажетъ,
 И вакансію покажетъ
 И научить какъ, кому,
 Сколько положить въ суму;
 Скажетъ все: когда кто въ духъ,

Чтобы не было прорухи.
 Такъ, купивъ себѣ маршрутъ,
 Отправляйся выше; тутъ —
 Тутъ ужъ тысячи берутъ,
 Дальше ужъ десятки тысячъ —
 Вотъ бы всѣхъ на конной высѣчъ!
 По невогѣ, послѣ всякъ,
 Заплативъ за мѣсто такъ,
 Все вернуть скорѣй захочетъ
 И какъ жадный волкъ наскочетъ
 Вымѣщать все надъ казной.
 Вслухъ кричить: «казна богата
 Грѣхъ обидѣть ближнихъ, брата,
 У казны-жъ не грѣхъ украсть:
 Есть кому ее накласть;
 Коль казны и не достанетъ,
 То министръ ее натянеть
 Новый вымыслить налогъ,
 Министерскій умъ высокъ:
 Онъ изъ камня выжметъ сокъ —
 И казна опять богата...»
 Такъ, забывши все что свято,
 Разсуждается у насъ.
 Только, если въ добрый часъ
 Совѣсть какъ-нибудь разбудишь.
 Иначе совѣсьмъ разсудишь,
 И увидишь, что казна
 Не для кражи собрана.
 Сборы всѣ и приношенья
 На благія учрежденья
 Съ насъ правительство беретъ:
 Стало, кто казну деретъ,
 Тотъ у ближнихъ деньги крадетъ.
 Пусть, кто хочетъ, душу гадитъ,—
 Мнѣ такихъ не нужно мѣсть:
 Совѣсть грозная заѣстъ.
 Все терпѣннѣе залѣчимъ,
 Да притомъ подсунуть нечѣмъ.
 Шарфъ на выжигу, темлякъ.
 Ну хоть два, хоть три, да знакъ.—
 Вотъ и все! Нѣтъ, съ этимъ дудки.
 Съ этимъ близъ трактира будки
 Не получишь. Вотъ мечтай;
 Замки строй и разсуждай!
 Нуль на нуль сто разъ умножи—
 Все въ итогѣ будетъ тоже!
 Всюду деньги! Даже въ рай
 Хочешь—денежки подай!
 Умирай безъ покаянья,

А когда есть состоянье,
 Лишь пожертвуй въ церковь вкладь,
 Да побольше, что тут адъ—
 Ни почему! Весь вѣкъ молиться
 Будеть пастыръ за тебя;
 А безъ денегъ за себя
 Самъ молись. Бѣда, какъ грянетъ,
 Да еще въ печальный часъ
 И застанетъ средь проказъ—
 Бѣдный, кто тогда предстанетъ
 Предъ судьей на небесахъ
 Выручатъ тебя въ грѣхахъ?
 Кто врата отворить рая?
 Чья молитва? Отпѣвая
 Пастыръ самъ, какъ бы стыдясь
 За твои грѣхи, свой гласъ
 Не возвыситъ такъ, какъ надо,
 Чтобъ тебя избавить ада;
 И безъ чувства надъ тобой
 «Со святыми упокой»
 Проворчить въ скороговорку,
 И въ червявую каморку
 Не проводить бѣдняка—
 Вишь отъ церкви далека.
 Громко, стройною волною
 Надъ богатымъ къ небесамъ
 Гимнъ отходный тотъ несется;
 Изъ кадила ениміамъ
 Вьется пышною, густою,
 Ароматною волною.
 Бѣднымъ ениміамъ иной:
 Имъ довольно, чтобъ кадило
 Только-только что чадило.

Деньги, деньги—счастья ключъ!
 Но, постой!... Надежды лучъ
 Не совѣмъ угасъ покуда,
 Не совѣмъ и мнѣ ужъ худо ¹⁾,
 Дай-ка, я за умъ возьмусь:
 Почему я не женюсь?
 Да, женюсь — и на богатой,
 Дамъ щелчекъ судьбѣ рогатой ²⁾.
 Какъ богатой мнѣ не взять!
 Иль невѣсть богатыхъ мало?
 Иль во мнѣ что не достало?
 Чѣмъ не мужъ я? чѣмъ не зять?
 Штабъ, густые эполеты,
 Шпоры, конь, усы,—а лѣта?...
 Что-жъ, въ порѣ я, просто хватъ,

Ну, немножко толстовать ³⁾ —
 Это возбудить почтенье—
 Хуже, если-бъ былъ худой:
 Скажутъ: вѣрно онъ больной,
 Иль дурнаго поведенья!
 Все, что надобно женѣ
 Ждать отъ мужа—есть во мнѣ ⁴⁾:
 Чинъ высокоблагородный,
 И притомъ собой дородный —
 Что-жъ еще? А для купчихъ
 Это кладъ, а не женихъ!

Кстати, слышала, у Кулькова,
 У подрядчика лѣснаго,
 У купца бородача,
 Скопидома богача,
 Хлѣбосола записного
 Ужъ назначенъ миллионъ
 Дочери.....

Когда бы онъ
 Отдалъ мнѣ его! Не худо ⁵⁾!
 Аппетитненькое блюдо!
 Право, нечего зѣвать,
 Надо сваху засылать!
 А потомъ принарядиться
 Пововѣй, понадушиться ⁶⁾,
 Можно и духовъ достать
 Этакъ хоть у франтовъ
 У бригадныхъ адъютантовъ.
 Взять у нихъ же орденочъ
 Да батистовый платочъ,
 Ди часы—на случай съ дочкой
 Какъ придется говорить —
 Пальцемъ баловать съ цѣпочкой
 И носочкомъ такту бить.
 Шарфъ надѣтъ, позвонче шпоры,
 Да поднявши плечи, грудь
 Эполетами тряхнуть,
 Да погромче въ разговоры...
 Посмотрю я, какъ тогда
 Мнѣ откажетъ борода!
 Не откажется отъ чести,
 Шутка-ли, къ майору въ тестя!..
 Слухи ходятъ о невѣстѣ,
 Что какъ будто-бы она
 Ничему не учена,
 Что ряба, что краснорука,
 Что глупа, что съ нею скука—
 Ничего! Всякъ чорта-бъ взялъ

Коль такой съ нимъ капиталъ!
 А Кулькова, хоть красою
 И не славится большою,
 Да въ красѣ и толку нѣтъ:
 Будь теперь хоть маковъ цвѣтъ ⁷⁾
 Будь она хоть роза—все же,
 Вѣрно, будетъ въ сорокъ лѣтъ
 На ровесницъ всѣхъ похожа!
 Кто ихъ станетъ разбирать,
 Будетъ голову ломать,
 Кто изъ нихъ была косая,
 Кто кривая, иль прямая?
 А лишь только той и честь,
 У которой деньги есть,
 У какой попить, поѣсть
 Можно вкусно,—той и честь.
 Гдѣ хорошъ обѣдъ и вина,
 Гдѣ на славу въ именины,
 Въ праздники пиры даютъ—
 Всѣ туда съ поклономъ лѣнуть,
 Всѣ покупать даромъ падки;
 Да къ тому-жъ, какъ блюда сладки,
 Тамъ, посмотришь, не одинъ ⁸⁾
 Уплетаеть господинъ,
 Позабывъ породу, чинъ,
 Выгоднымъ найдя смиренье,
 Позабывъ про вдохновенье ⁹⁾,
 Примирясь съ толпой, поэтъ....
 И кого, кого тамъ нѣтъ!
 Штука важная обѣдъ!
 И спроси у нихъ любого ¹⁰⁾,
 Хоть профессора иного,
 Про хозяйку: что, умна-ль,
 Что, воспитана-ль, что, ловка-ль? ¹¹⁾
 — «Да другая есть едва-ль
 Ей подобная», всѣ скажутъ.—
 Сласти всѣмъ языкъ подмажутъ.
 И про насъ заговорятъ,
 Что такіе есть-ли врьдъ.

Сидоръ, Сидоръ! спишь? живѣе ¹²⁾
 Поликарповну скорѣе,
 Ну, что свахою слыветъ,
 Знаешь, гдѣ она живетъ?
 Маршъ! сыщи ее гдѣ хочешь,
 Ты не даромъ похлопочешь ¹³⁾,
 Да смотри, не будь глупцомъ:
 Баба станетъ обо всемъ,
 О житьѣ-бытьѣ моемъ

У тебя освѣдомляться,
 То смотри, ей не поддайся!
 Первое что спросить: чинъ!
 Отвѣчай, что господинъ
 Твой майоръ еще покуда,
 Но что въ годъ онъ худо-худо
 Будетъ полный генералъ —
 Побожись, что не совралъ.
 Бабъ только-бъ побожиться,
 Да съ божбой перекреститься—
 Все за чистое сойдеть.
 Объ достаткѣ рѣчь пойдетъ—
 Не проврись про кухню нашу,
 Что ѣдимъ мы щи да кашу.
 А скажи: «на дняхъ умретъ
 Барскій дядя пребогатый,
 Что огромныя палаты,
 Что заводовъ, деревень,
 Что не счесть всего и въ день;
 Все чѣмъ зажило онъ править,
 То, можь, все ему оставить,
 Что наслѣдникъ, можь, одинъ
 У него мой господинъ.
 Что, можь, добръ: солдатъ, кожь учить
 Онъ не бьетъ ихъ и не мучить;
 Въ ротъ хмѣльного никогда,
 Все питье квась да вода,
 Держить постъ и богомоленъ;
 И что имъ и царь доволенъ,
 И что, кажется, его,
 Господина моего,
 Царь къ себѣ въ министры прочить:
 И что, слышалъ, что одна
 Пребогатая княжна
 На него ужъ зубы точить;
 Да, вишь, баринъ-то не хочетъ;
 А что день и ночь ему
 Все вертится на уму
 Дочь какого-то Кулькова,—
 Можеть быть, и нѣтъ такого.
 Побожись, что по ночамъ
 Бредъ мой часто слышалъ самъ.
 Вдругъ, можь, вскрикнетъ:
 «О, Кулькова,—
 О мой ангель, другъ!»
 И, снова
 Прихрапнетъ; потомъ опять —
 Да вѣдь за ночь-то разъ пять.
 Какъ въ горячкѣ! — Утромъ встанетъ

Такъ, глядишь, на немъ лица нѣтъ!
 Просто, страсть меня беретъ!
 То и жди съ ума сойдегъ!
 Жаль, ей-Богу! баринъ славный,
 Не блажной, не своенравный,
 Къ службѣ ужъ такой исправный!
 По ученью, по уму
 Не уступить никому.
 Да чего, преосвященный,
 Разъ прѣхавши къ нему,
 Говорить такъ въ слухъ ему:
 «Хоть ты, братецъ, и военный,
 А ужъ друга не оставь,
 Ты мнѣ проновѣдь поправь».
 Онъ вѣдь съ нимъ на ты, почтенный!
 Вотъ какъ! просто, какъ друзья!
 Значить, умъ! А нынче я
 За него весьма боюсь
 И тебѣ ужъ поклонюся,
 Препочтенная моя,
 Ты судьбою ловко мечешь,
 Холостую скуку лечишь
 И безденежья недугъ.
 Выручи, ужъ будь мнѣ другъ!
 Припаси ты намъ лекарство,
 Сбереги подпору царства!...»

Понялъ, Сидоръ? Ну, смотри,
 Бабѣ ты очки вотри!
 Ты, я знаю, какъ захочешь,
 Такъ на шею чорту вскочишь.
 Ты, я знаю, братъ, не глупъ.
 Напримѣръ, откуда супъ
 Съ курицей у насъ являлся?
 Я тогда ужъ притворялся ¹⁴⁾
 И нарочно промолчалъ,
 Денегъ я вѣдь не давалъ,
 А казны едва ли нашей ¹⁵⁾
 Достаетъ на щи и кашу.
 Помнишь какъ-то простоквашу,
 А подъ соусомъ пѣтухъ,
 А въ монхъ подушкахъ пухъ?
 Что? Нашелъ? Ну, знаю, ладно ¹⁶⁾!
 Ты всегда соврешь прескладно.
 Такъ поди-жь, похлопочи,
 Тутъ вѣдь есть магарычи:
 Какъ женюся, разбогатѣю
 Я тебя, братецъ, пригрѣю
 И наградою заслугъ

Ужъ не старій архалугъ
 Отдавать тебѣ; придется ') ,
 Какъ у важныхъ баръ ведется,
 Въ галунахъ ливрею шить
 Въ аксельбанты снарядить,
 Голодъ нивѣшній забудешь,
 У меня ты просто будешь
 Цѣлымъ домою заправлять,
 Да другими понукать,
 Да покрививать и только!
 Любо? Хлопочи-жь, изволь-ка.

III.

Содержаніе картины: „Пріѣздъ жениха“.

Честные господа
 Пожалуйте сюда!
 Милости просимъ,
 Денегъ не спросимъ,
 Даромъ смотри,
 Только хорошенько очи протри.
 Начинается,
 Починается.

О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
 Какъ иные на чужой счетъ жуютъ,
 Сами работать лѣнятся,
 Такъ на богатыхъ женятся...

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Вотъ купецкій домъ,
 Всего вдоволь въ немъ —
 Только толку нѣтъ ни въ чемъ:
 Одно пахнетъ деревней,
 А другое—харчевней.
 Тутъ за то одинъ толкъ:
 Что все взяли не въ долгъ,
 Какъ у васъ, иногда,
 Честные господа!

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Вотъ самъ хозяинъ купецъ,
 Денегъ полонъ ларець...
 Есть что пить, есть что ѣсть,
 Ужъ чего-жь бы еще! Да взманила, вишь, честь:
 Не хочу, вишь, зятей съ бородами!
 И своя борода
 Мнѣ лихая бѣда,

По улицѣ всякій толкаетъ,
 А чуть-чуть подѣ хмѣлькомъ,
 Да поди-ка пѣшкомъ —
 Глядь! очутишься въ будѣхъ,
 Да улицу прометешь сутки.
 А въ густыхъ будь-ко вять,
 Не посмѣютъ насъ взять.
 Намъ, по крайности, дай хоть майора,
 Безъ того никому не отдамъ свою дочь!
 А женихъ тутъ какъ тутъ, и по чину точь въ точь.

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ жениха ждуть,
 Кулебяку пекутъ,
 И заморскія вина первѣйшихъ сортовъ
 Къ столу несутъ.
 А вотъ и самое панское,
 Сирѣчь — шампанское —
 На подносѣ, на стулѣ, стоятъ.

И вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ въ парадѣ цѣлый домъ,
 Все съ иглочки въ немъ;
 Только хозяйка купца
 Не нашла, знать, по головкѣ чепца:
 По старинному въ сизомъ платочкѣ,
 Остальной-же нарядъ,
 У французенки взять
 Лишь вечеръ, для нея и для дочки!
 Дочка, въ жизнь, въ первый разъ
 Какъ баришнина у насъ,
 И простуды не боясь,
 Плечи выставила на показъ.

Вотъ извольте посмотрѣть:
 Какъ въ лѣвомъ углу старуха,
 Тугая на ухо,
 Хозяйкина сватья, беззубый ротъ,
 Къ сидѣльцу пристаесть:
 — Для чего, дескать, онъ столько бутылокъ несетъ?
 Въ домъ ей до всего!
 Ей скажи: отъ чего,
 Для чего, кто идетъ?
 Любопытный народъ!

А вотъ, извольте посмотрѣть:
 Справа, отставная деревенская пряха,
 Панкратьевна сваха,
 Безсовѣстная привираха,

Въ парчевомъ шугаѣ, толстая складомъ,
Идетъ съ докладомъ:
Что, дескать, женихъ изволить пожаловать.

И вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ хозяинъ лавочникъ-купецъ,
Невѣстинъ отецъ,
Не сладить съ сюртукомъ —
Какъ онъ бьется, пыхтитъ,
Застегнуться спѣшитъ:
На распашку принять неучтиво!

А вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ и наша невѣста
Не найдетъ, сдуру, мѣста.
«Мужчина чужой!»
— Ой, стыдь-то какой!
Никогда я съ ними еще не бывала,
Коль и придуть бывало,
Мать тотчасъ на ушко:
«Тебѣ, дѣвушкѣ, здѣсь не пристало!»
Вѣкъ, въ свѣтличкѣ своей я высокой,
Прожила, проспала одинокой;
Кружева лишь плела къ полотенцамъ.
Гость заводитъ, чай, рѣчь:
Ай, ай, ай, срамъ какой!
А тутъ нечѣмъ скрыть плечъ:
Шарфъ сквозистый такой!
Все насквозь, на виду—
Нѣтъ, въ свѣтлицу уйду!

И вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ наша пташка хочетъ улетѣть,
Да не тутъ-то было! умная мать
За платье ее хватъ!

И вотъ извольте посмотрѣть:
Какъ въ другой горлицѣ
Грозитъ новая картина горлицѣ
Какъ женихъ толстый, бравадѣ,
Крутитъ свой усь:
Я, дескать, до денежекъ доберусь!

Теперь извольте посмотрѣть:
Разныя висятъ по стѣнамъ картины,
Начинается съ середины.
Посреди виситъ—
Мужъ съѣдъ и именьтъ,
Хозяинъ добродѣтель чтить!

А по сторонамъ висятъ двое—
 Наши знаменитые герои:
 Одинъ, батюшка-Кутузовъ,
 Что первый открылъ пятки у французовъ.
 А Европа, сначала,
 Ихъ не замѣчала!
 Другой,
 Герой,
 Кульневъ, которому, во славу и честь,
 Даже у нѣмцевъ крестъ желѣзный есть *).

Вотъ извольте посмотрѣть:
 Тамъ-же, на правой сторонѣ,
 Иловайскій на конѣ—
 Казацкій хлопчикъ—
 Французовъ топчетъ!

А вотъ извольте посмотрѣть:
 На правой стѣнѣ хозяйскій портретъ,
 Въ золотую раму вѣтъ;
 Хоть лицо и несхоже,
 Да книжка похожа!
 Значить—грамотный!

А вотъ извольте посмотрѣть:
 Подъ низомъ картины,
 Около середины,
 Сидитъ сибирская кошка:
 У ней-бы не худо, немножко,
 Нашимъ деревенскимъ поучиться:
 Почище мыться!
 Кошка рыльце умываетъ,
 Гостя въ домъ зазываетъ.

А что, господа, чай, устали глаза?
 Не оставить-ли до другого раза?
 Извольте проститься и по домамъ расходиться.

П. А. Федотовъ.

*) Кульмскій.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Помѣщаемъ варианты, какіе мы встрѣтили въ другихъ спискахъ «Маіора»

- 1) «Не совсѣмъ еще мнѣ худо...»
- 2) «Дамъ толчокъ судьбѣ рогагой...»
- 3) «Хоть немножко толстовать...»
- 4) «Ждать у мужа — есть во мнѣ...»
- 5) «Отдалъ мнѣ его, не худо...»
- 6) Этотъ и послѣдующіе, всего пятнадцать стиховъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ замѣнены двумя строками: «Поновѣй, орломъ явится,
И посмотримъ, какъ тогда...» и проч.
- 7) Въ другихъ спискахъ вариантъ: «Будь она хоть маковъ цвѣтъ
Будь она хоть розанъ нѣжный...»
- 8) Вариантъ въ другихъ спискахъ: «Такъ посмотришь не одинъ
Тамъ хлебаешь господинъ...»
- 9) Вариантъ въ другомъ спискѣ: «Тамъ забудь про вдохновенье...»
- 10) Вариантъ: «И спроси потомъ любого,
Хоть профессора какого...»
- 11) Въ другихъ спискахъ «Что любезна-ли, ловка-ль?...»
- 12) Въ другихъ спискахъ читаемъ такъ: «Сидоръ, спишь?
За Панкратьевной скорѣ,
Вонъ, что свахою слыветъ...»
- 13) Вариантъ: «Ты не даромъ прохлопочень...»
- 14) Этотъ стихъ въ другихъ спискахъ такъ: «Я тогда вѣдь притворялся...»
- 15) Этотъ и слѣдующій стихъ въ другихъ спискахъ замѣнены однимъ:
«Деньги лишь на щи да кашу...»
- 16) Въ другихъ спискахъ: «Что нашель? нашель, ну ладно!...»
- 17) Въ другихъ спискахъ такъ: «Какъ теперь... тогда придется...»

Въ «Пантеонѣ» 1854 г., въ № 1-мъ, въ статьѣ г. Толбина о П. А. Федотовѣ (брошюра сообщ. П. А. Евремовымъ) приведены выдержки изъ «Маіора», причѣмъ однако самымъ тщательнымъ образомъ выщипано цензурою все, что относится до военной службы, такъ что ни по названію шутки, ни по ея содержанию не видно, что всѣ разсужденія принадлежатъ никому другому, какъ маіору... Самое стихотвореніе приведено, какъ можно полагать, съ первоначальныхъ редакцій, почему есть длинноты ничего не прибавляющія въ художественномъ отношеніи, и потому самимъ авторомъ опущенныя въ позднѣйшихъ редакціяхъ, съ которыхъ мы напечатали поэму. Между прочими вариантами — въ первыхъ редакціяхъ—болѣе крупныя слѣдующія:

Къ стр. 746-й:

Шутка-ли, къ маіору въ тести!..
Разъ, при мнѣ одинъ купецъ,
Мужа дочери смѣкал,
Какъ заботливый отецъ,
Всѣ сословія сличая,
Вотъ что вывелъ наконецъ:
Выдать за купца—не худо;
Да, не худо—но покуда

Хорошо дѣла идутъ!
 У купцовъ отъ оборота
 Долго-ль дѣло до банкрота?
 А коль чуть остерегись,
 Съ капиталъцемъ поприжмись,
 Такъ бѣда—нѣтъ сплетнямъ счета!
 Только и звенить въ ушахъ:
 «Что торговля-де въ рукахъ
 Наша вся у иноземцевъ:
 Англичанъ, французовъ, нѣмцевъ
 И что наши де-купцы—
 Просто сущіе слѣпцы!»
 Вотъ какъ хочешь и вертись!..
 Впрочемъ, если попадися
 Зять—почетный гражданинъ,
 Ну, тутъ есть уже и льготы...
 Впрочемъ, все-же обороты;
 То-ли дѣло дворянинъ!

.....
 Слухи ходятъ о невѣствѣ
 Таковы, что ей не къ чести,
 Да она, быть можетъ, тутъ
 Какъ ни въ чемъ—все Курозвонѣвъ
 Протрубилъ!.. охъ! я-бъ его!..
 У него вѣдь ничего
 Нѣтъ завѣтнаго... мотыжка,
 Пустомели, хвастунишка!
 Хуже нѣтъ его у насъ.
 А посмотришь, какъ подь-часъ,
 Носъ подыметъ, глазки съюзитъ,
 Зафиндонитъ, зафранпузитъ
 И съ презрѣніемъ на свѣтъ,
 Въ свой расколотый лорнетъ,
 По верхамъ глядитъ! О, я бы
 Вышколилъ его...
 Я довелъ бы до резона,
 Я-бъ ему убавилъ тона!
 Дурь бы въ немъ поунялась,
 Вишь что сбредилъ: будто разъ
 Сваха вдругъ къ нему явилась,
 Увѣряя, что въ него,
 До безумія влюбилась
 Дочь Кулькова, и его,
 Было свахѣ порученье,
 Звать въ Пассажъ на воскресенье
 И обѣщанъ милліонъ!
 Будто-бъ и поѣхалъ онъ...
 Да взглянулъ—раба, въ веснушкахъ,
 Да въ такихъ, какъ-будто мушкахъ

Носа, глазъ не разберешь!
 Двадцать пять на ней одѣжь...
 Двадцать пять!.. и всё на ватъ!..
 Вотъ какая въ перехватъ!
 Руки, плечи... но, скрѣпясь,
 Онъ, на зтогъ будто разъ,
 Подмигнулъ ей, для потѣхи.
 Сваха видитъ: Есть успѣхи!
 И скорѣй къ нему опять...
 Тащить въ домъ представлятъ!
 Будто былъ онъ у Кульковыхъ,
 Да и тьму достоинствъ новыхъ
 Тамъ онъ въ дочкѣ ихъ открылъ.
 То-есть: чтѣ бы ни спросилъ—
 Ни аза въ глаза не знаетъ!
 Книгу въ руки разбираетъ —
 По складамъ—не жди конца!
 Вверхъ ногами и читаетъ,
 Кличетъ тятенькой отца;
 Словомъ, ну, ужъ просто дура,
 На невѣсть карриатура!
 Будто онъ поклонъ и вонъ,
 Несмотря на милліонъ!
 Видишь—партіей такую
 Онъ разсорился-бъ съ роднею!
 Ухъ нахаль!
 Словомъ, столько онъ болталъ,
 Лгалъ по поводу Кульковыхъ,
 Столько фразъ про нихъ суровыхъ
 Разызволилъ распустить,
 И зачѣмъ все? Чтобъ отбить
 Всѣхъ другихъ, кому жениться
 Вдругъ охота разгорится;
 Чтобы тотъ, понавъ къ нимъ въ домъ,
 Не развѣдалъ бы о немъ!
 Ужъ конечно-бъ осмѣяли,
 Какъ узнали о скандалъ,
 Съ каковымъ его Кульковъ
 Самъ прогналъ! А отъ долговъ...
 Самъ за все ужъ онъ хватался
 И къ Кульковымъ подбирался.
 Отъ чего-же бредилъ онъ,
 Что какой-то милліонъ
 Скоро, гдѣ-то, онъ достанетъ,
 Всѣхъ купать въ шампанскомъ станетъ!
 Бредилъ мѣсяць или два,—
 Знать надвѣялся сперва!..
 И тогда, про домъ Кулькова
 Никому изъ насъ ни слова.

А Кулькова, пусть красою, и т. д. на стр. 747.

Къ стр. 749-й: Будущій женихъ, замѣтивъ, что Сидоръ какъ-то съумѣлъ подбить себѣ глазъ, совѣтуетъ ему затереть его чѣмъ-нибудь, взять на его счетъ въ аптеку лекарства, бранить его за небрежность и прибавляетъ:

Да и весь ты, точно блинникъ,
Весь засаленъ, все въ дырахъ!
Это въ счетъ идетъ у свахъ!
Гдѣ-бъ достать все поновѣе?
У кого-то есть ливрея—
У женатыхъ? Попрошу!
Дай, записку напишу. .
— На!

Да, кстати, подстригись,
Вишь, какъ-пудель.....

Наговоривъ многое, что Сидоръ долженъ говорить въ его пользу (стр. 748--749), женихъ прибавляетъ, чтобы онъ еще дополнилъ, что въ трудныхъ дѣлахъ:

Смотришь, пруть къ намъ за совѣтомъ;
— Баринъ, молъ, все первый въ этомъ.
И, молъ, диво-ли, когда
Въ ротъ хитлого никогда!
Даже трубочки не курить,
Картъ и въ руки не брать!
А гостей коль собереть—
Съ ними только балагурить;
Да и то, коли тогда
Чуть о дѣвушкахъ нескромно
Молодежь завретъ—бѣда!
Для него и то скоромно!
Въ обхожденіи ласковъ, простъ...
Бѣдныхъ любить, богомоленъ...
И что имъ весь свѣтъ доволенъ.....

Переходя къ Кулькову, майоръ напоминаетъ Сидору, чтобы тотъ не спуталъ имя:

А межъ тѣмъ:
Кульковъ, Кульковъ!..
— Затверди ты это слово,
Тутъ вѣдь нѣтъ нѣмецкихъ словъ,
Трудныхъ такъ для руссаковъ.
Помни про кудекъ—не сбейся;
Будешь говорить—не смѣйся.....

Говоря, что баринъ отъ любви «такъ и жди съума сойдетъ» (стр. 748), Сидоръ долженъ добавить:

Ну, потеря! Снять, пожалуй,
У кого умишко малый;
А вѣдь, онъ-то, по уму
Не спустилъ-бы никому.
Жаль, ей-Богу, баринъ славный, и т. д. на стр. 749.

Ред.